

«НОТА» ОТЧАЯНИЯ ИСТОРИЯ ОДНОГО РАЗОРЕНИЯ

ТЕКСТ **Нина Алпатова** фото **Михаил Иванов**

ОПТИМИСТ ИЗ САДГОРОДА

Два года назад наш журнал писал об одном из успешных сельхозпредприятий Кинель-Черкасского района – молочном животноводческом хозяйстве СХП «НОТА» («Самара и губерния», 2016 г., №3). Его глава, Александр Викторович Старков, по-хозяйски обстоятельно, радуясь весомым успехам в фермерском труде, рассказывал о своём хозяйстве.

В 2005 году бывший военнослужащий и банковский работник, он, Старков, решился на крутой поворот в собственной жизни. «Имея два высших образования – военное и финансово-кредитное, я всегда задавался вопросом: смогу ли сам, с нуля создать собственный бизнес, связанный с реальным производством, – рассказывал Александр Викторович. – Когда период нестабильности 90-х миновал, я решил воплотить свои намерения в жизнь». За смелой идеей последовали конкретные шаги: была выку-

плена бывшая молочная ферма в Кинель-Черкасском районе, помещения отремонтированы, приобретены тёлки и бычки.

Через год первые 200 голов дали приплод в 90 голов. Тогда и началась жизнь СХП «НОТА», которую никак не назовёшь расписанной по нотам. Если, составляя бизнес-план, Старков рассчитывал на покупные корма, то уже в 2008 году из-за скачка цен пришлось самому заняться растениеводством. Шаг за шагом – от старых комбайнов и тракторов, обновляя парк, расширяя поля, хозяйство пришло к полному обеспечению скота разнообразным «меню»: подавались бурёнкам ячмень, овёс, горох, кукуруза, суданка, эспарцет и другие культуры. Комбикорм готовился на собственном оборудовании с добавками для сбалансированного рациона разным группам скота: дойным коровам, бычкам, телятам.

«НОТА» спокойно и уверенно крепла, стала достойно звучать в районе и области. Два года назад в хозяйстве было 400 голов дойного стада. Можно было слегка сбавить темпы, положиться на стабильность. Но Александр Викторович тогда не скрывал: почти 20-литровые надои его никак

не устраивают! И замахнулся он догнать Европу с её 35–38 литрами молока в среднем от коровы в сутки. «Таких результатов за пару лет достичь нельзя. Это процесс сложный, длительный. Наша ближайшая цель – 25–30 литров, – не скрывал амбициозных планов кинель-черкасский фермер. – Для этого покупаем за рубежом семя лучших производителей (в основном голштинской породы), перешли на безвыпасное содержание и питание монокормом. Ну, и доярки наши материально заинтересованы в повышении надоев».

Не только для посёлка Садгород, но и недалёких Тимашева и Чернигово «НОТА» стала «якорем», который удержал крестьян на земле в сложные времена, когда в округе не имелось никакой работы. 60 человек труди-

«НОТА» спокойно и уверенно крепла, стала достойно звучать в районе и области. Два года назад в хозяйстве было 400 голов дойного стада

лись в хозяйстве Старкова: вахтовый транспорт, бесплатная столовая, автоматизация на производстве, современные доильные аппараты, кормораздатчики... «Моё давнее желание – заняться строительством ведомственного жилья для молодых специалистов, тем более, что имеются государственные программы. А через 10 лет работы в хозяйстве я мог бы им бесплатно передавать жильё в собственность», – не то мечтал, не то уже планировал Александр Викторович.

Прошло два года. Вместо процветания «НОТА» – на пороге банкротства. И Александр Старков, многое пережив и достигнув точки невозврата, уже спокойно и отрешённо рассказывает о том, что произошло с хозяйством. И так, монолог недавнего успешного сельского предпринимателя в канун кончины дела четырнадцати лет его жизни.

ДОЛГОВАЯ ЯМА РОССЕЛЬХОЗБАНКА

«Словно отматывая назад ленту кинофильма, по конкретным датам, событиям, беседам с банкирами и чиновниками, я не раз и не два анализировал историю последних лет собственной жизни. Поначалу не мог избавиться от мысли: неужели это всё случилось не во сне? Да, это произошло со мной, фермером, предпринимателем, руководителем хозяйства (дело не в должности и статусе), который годы и годы «пахал» как говорится, не за страх, а за совесть...

Слышал когда-то вроде бы суфизм: у всякого конца есть своё начало. Точно про «НОТУ!» 2014 год стал для нас чёрным днём: в пожаре сгорело три здания – два коровника и молочный блок... Не стану ворошить тогдашние чувства: это была общая беда тех, кто трудился в нашем СХП, люди ходили с почерневшими лицами. Но мы и представить не могли, что это ЧП обернётся для СХП крахом. Тогда все силы и средства были брошены на восстановление хозяйства. За два года нам удалось, в первую очередь, восстановить выбракованное после пожара поголовье, практически заново построить здания. Это – основа производства. Но более 50 миллионов рублей пошли не только на эти нужды. Пришлось купить массу нового оборудования, молокопровод, танки для молока, заново обустроить пункт осеменения, ветаптеку с набором лекарственных препаратов, лабораторию. Это были собственные средства СХП, аккумулированные на развитие предприятия, но спасшие его в условиях форс-мажора. Стало быть, политика «НОТЫ» была избрана верно. Так думал я, восстанавливая хозяйство. Конечно, после столь сильного удара огнём, полностью рассчитаться, как планировали, с банковскими кредитами финансовой возможности мы не имели.

В 2017 году требовалось гасить очередной кредит Россельхозбанку, и я обратился в его самарский филиал за рефинансированием долга. Сколько раз я потом жалел о своём решении... Дело в том, что в тот момент рефинансирование мне предложил другой банк, причём с учётом моего сложного положения. Но я уже 10 лет обслуживался в Россельхозбанке,

имел незапятнанную кредитную историю. График выплат соблюдал как воинский устав и чувствовал себя уверенно, ведь из заёмных 100 млн рублей к концу 2016 года за мной оставалась только 26 млн рублей долга. «Не уходите! Оформим рефинансирование!» – заверил меня управляющий филиала Россельхозбанка. Поверил. Стал ждать... Август, сентябрь... Тишина. «Как бы в декабре у меня проблемы не возникли, – снова иду в банк. – Цены на фуражную пшеницу упали, а я на выручку от её продажи надеялся». «Не волнуйтесь! К середине ноября всё получите!» – успокоили меня.

Жду... Иду в банк... Настаиваю... Снова жду... И вот: «Ой, до 20 декабря мы не успеем оформить документы...» Сдержанно требую пролонгации платежа: «Не портите мне кредитную историю!» Господи, тогда ещё мне очень важна была кредитная история! Мои честные устремления теперь вызывают лишь саркастическую усмешку: как же наивно я выглядел в глазах тех, кто тогда водил меня за нос!

Оставляю подробности: как списали около двух миллионов в счёт погашения кредита (не хватило на очередной транш 4млн 300 тыс. рублей), как поставили счёт на картотеку, как кредитный комитет принял положительное решение по пролонгации 29 декабря, обязав оплатить сначала комиссию, но картотеку не сняли... Я задаю резонный вопрос: «Как мне заплатить комиссию, если сегодня утром мне пришло 700 тысяч на счёт, а вы их списываете по картотеке? У меня нет счетов в других банках! Снимите картотеку, спишите комиссию и сделайте пролонгацию!» Получаю ответ банка: «Сначала заплатите комиссию, потом делаем пролонгацию. Таково решение кредитного комитета!» Снова резонный вопрос: «То есть мне, чтобы заплатить комиссию надо полностью закрыть долг? Тогда, что вы собираетесь пролонгировать?» В ответ: «Мы не знаем...» Театр абсурда... В итоге всех этих перипетий я оказался, выражаясь финансовым языком, на просрочке, то есть стал ненадёжным заёмщиком... И это тут же сказало на моей деловой репутации. В другом банке, куда обратился за кредитом, получил жёсткий отказ: «Да вы что?! У вас же картотека! Сначала закройте её, а потом милости просим».

Руководитель самарского филиала Россельхозбанка Раиль Багдалов разводил руками: «Наша вина! Сотрудники, которые вовремя не оформили

И замахнулся он догнать Европу с её 35–38 литрами молока в среднем от коровы в сутки. «Таких результатов за пару лет достичь нельзя. Это процесс сложный, длительный. Наша ближайшая цель – 25–30 литров», – не скрывал амбициозных планов кинель-черкасский фермер

для вас бумаги на перекредитование, уволены... Я ему: «Мне что с того? Самое плохое вы уже сделали, испортили мне десятилетнюю безупречную кредитную историю! У меня в вашем банке заложено имущество на 100 миллионов! Почему вы не используете его для погашения долга?!» Как в кино, «а в ответ – тишина»...

Дальше началось моё хождение по кругу: филиал Россельхозбанка – министерство сельского хозяйства области. Раиль Багдалов, с одной стороны и заместитель министра Юрий Григорьевский, с другой. Переговоры, мои предложения: реализуйте, пожалуйста, моё заложенное имущество! Я был согласен на то, чтобы приставы его реализовали, но банк – против! Давайте заключим мировое, банк против.

Пошли судебные разбирательства. В судах отнеслись к нашему положению с пониманием: банк заявлял, что «НОТА» – клиент значимый, как только просудимся, получим исполнительные листы, так сразу заключим мировое соглашение! Мол, порядок в банке такой! Это в суде под протокол говорил банк! Отсудились! Иду в

банк: «Мирового не будет!!!» Вместо этого исполнительные листы передаются приставам, счета в других банках, которые пришлось открыть, чтобы продолжать работу, арестованы, деятельность заморожена. Банк идёт дальше. Вместо того, чтобы реализовать часть залога и закрыть долг, они подают в суд на банкротство. Хозяйство получило процедуру наблюдения. Появилась надежда на возрождение предприятия. Как нас учили в вузе, в соответствии со здравым смыслом: задача конкурсного управляющего как профессионала – спасти предприятие, поставить его на ноги, вдохнуть жизнь... Увы, для «НОТЫ» управляющий стал палачом: вместе с филиалом Россельхозбанка он фактически выступил противником процедуры оздоровления, имея только одну цель – банкротство «НОТЫ»... Мои апелляции к областному министерству сельского хозяйства разбились о стену чиновничьего равнодушия: «Видишь, Богдалов против мирового соглашения! А мы что сделать можем?!»

Мой рассказ о том, как умирала «НОТА», не для того, чтобы вызвать жалость. Это – предупреждение, чтобы другие производители не попались в банковскую ловушку

«НОТА» – совсем недавно успешное предприятие – оказалась на краю долговой ямы. На колени крепкое сельскохозяйственное предприятие поставил руководитель филиала Россельхозбанка господин Багдалов и странно робкие чиновники минсельхоза области под началом замминистра Ю. Григоревского. Это не домыслы или предположения неудачливого предпринимателя. Это выводы, за которые я ручаюсь».

ГОРЬКИЙ ВКУС DANONE

«Нет, это ещё не конец удушения «НОТЫ»! Снова и снова бессонными ночами мысленно «пересматриваю» уже недавнее «кино»...

Вопреки невероятным трудностям, в пору судебных разбирательств, чтобы производство не пошло ко дну, мы продолжали работать и сдавать молоко на завод группы компаний Danone (бывшее предприятие «Самаралакто», что на Заводском шоссе в Самаре). И вот в начале лета 2018 года поздно вечером мне сообщают: наше молоко Danone не принимает из-за пониженной кислотности (показатель 14 вместо 16-17 для высшего сорта) и белка ниже госта (показатель 2,72 при ГОСТе 2,8) и предлагают приехать разобраться. В час ночи приезжаю. Бойлер наш стоит опечатанный, но нет лаборанта... Утром я снова на молкомбинате. И завлаб, и главный по закупкам опускают глаза... Ведем пробу в государственные аккредитованные лаборатории на Воронежской улице и на Митирёва и получаем результат: кислотность – 16, белок – 2,92. Правда наша!

Но на другой день наше молоко не принимают по той же причине, а на третий даже бойлер нам не присылают. Вместо него – уведомление о разрыве контракта ввиду неоднократных (!) нарушений.

А у нас два танка на 6,5 тонны молока. Полные! Слезы в глазах стояли не только у доярок, когда все шесть с половиной тонн молока выливались в канализацию... Больно, обидно за нелёгкий крестьянский труд. Что сказать рабочему человеку, когда творится такое вредительство?!

Замминистра Юрий Александрович Григоревский, которому я рассказал об удавке, накинутой европейской компанией Danone, вроде бы разрулил ситуацию: «Будешь грузить на Пестравку!» Оттуда получаем отказ: товар не соответствует ГОСТу! Неделю наше молоко выливалось в канализацию... Если бы ещё недавно услышал такие слова, ни за что не поверил бы... И вот сам прошёл через этот ад...

Помимо горьких чувств, есть и элементарные знания: молоко не может в одночасье стать некондиционным. Белок копится в нём в течение нескольких месяцев и за два-три дня измениться этот показатель не может, как пытались представить и Danone, и Пестравка. А кислотность 14 – это вообще нонсенс. Руководитель управления животноводства и племенного скота областного минсельхоза Рудольф Геннадьевич Ильин, когда я показал ему результаты двух независимых экспертиз, оказался «щедр» на поддержку: «Вот ты всё судишься, ругаешься, поэтому к тебе такое отношение. Ты, Александр Викторович, смиришься!» С чем смириться? С тем, что я молоко в канализацию выливаю?»

ПОЛУЗУЧЕЕ УДУШЕНИЕ

«14 лет я занимаюсь животноводством: тяжёлый, энергозатратный труд, в котором каждый день – борьба... За эти годы трижды переживали засуху. Пожар пережили. А вот удушение от тех, кому положено законодательством Российской Федерации поддерживать сельскохозяйственное производство, признаюсь, оказалось сильнее всех стихийных бедствий! Россельхозбанк со 100-процентным государственным капиталом нацелен на банкротство производителя! Вместо оздоровления предприятия он топит его как злейшего врага! Не банк, а рейдер!

По отношению к сотне работников нашего сельхозпредприятия чиновники высокого уровня из областного министерства сельского хозяйства оказались в одной похоронной команде вместе с банкиром Багдаловым и компанией Danone в Самаре. Разумеется, указаний банкротить, разорять они, хочется думать, не отдавали, даже сочувственно кивали мне, но их равнодушие и попустительство развязывало руки тем, кому мешал въедливый, настырный Старков со своей «НОТОЙ».

Моё хозяйство уже не спасти. Его разорили... Мой рассказ о том, как умирала «НОТА», не для того, чтобы вызвать жалость. Это – предупреждение, чтобы другие производители не попались в банковскую ловушку, чтобы общими силами сопротивлялись таким «акулам», как Danone в Самаре, который в порошок стирает мелких местных производителей. Это – желание дать региональным властям пищу для размышления: почему ситуация с национальным приоритетным проектом, таким как животноводство, несмотря на серьёзную поддержку государства, продолжает ухудшаться. Почему каждый год животноводческих хозяйств на карте нашей родной Самарской области становится всё меньше? Почему Россельхозбанк в Самаре их не кредитует и скольких он за последнее время пустил по миру? Мне очень хочется надеяться на то, что те, кому положено, разберутся во всём этом и тем, кто будет после нас заниматься этим тяжёлым и благородным делом, не придётся испытать горькую чашу. А то, честное слово, за державу обидно...»

